

Глава 171 - Захват города.

Му Кунь повел свою конницу обратно в Тунгуань, и когда он пересчитал их, то выяснил, что потерял более 7000 человек, 3000 из них были те, которых он привел с собой. Это был большой позор! Му Кунь никогда не терпел такого поражения!

Если он понес убытки, ему придется их компенсировать. Формация армии Ань была очень мощной и трудноразрушимой, поэтому он должен был найти способ сломать ее.

Пэй Линьчжи также срочно изучил ситуацию, обсуждая со своими генералами, как поступить с кавалерией Западного Жуна.

Сегодняшнее построение было круговым, и они впервые сражались так против кавалерии Западного Жуна, добившись замечательных результатов. Сяо Цао был очень взволнован и поднял большой палец вверх: "У моего брата и генерала Пэя был блестящий план. Какой бы мощной ни была кавалерия противника, они ничего не смогли сделать с нашим круговым построением! "

Пэй Линьчжи покачал головой: "Сегодня армия Западного Жуна была разбита, но они обязательно попытаются сломать строй, когда вернутся. В следующий раз нам нужно изменить нашу расстановку".

Сяо Цао сказал: "Верно, боюсь, в следующий раз арбалеты уже не будут настолько эффективны. Враг уже знает, что у нас они есть, так что они не захотят прийти и умереть".

Глаза Пэй Линьчжи были тверды: "Если они не выйдут из города, тогда мы осадим Тунгуань". Обойти город Тунгуань не было никакой возможности, иначе бы они дали врагу шанс атаковать с тыла.

Когда Сяо Цао услышал об осаде, он нахмурился: "Помнишь предыдущее нападение на Шанлуо? В итоге пострадали жители города".

Пэй Линьчжи вздохнул. Сюнну никогда не считали ханьцев людьми, просто скотом, который можно использовать по своему усмотрению, инструментом для выплеска гнева или даже пищей для желудка.

"Если ворота не откроются, то мы просто взорвем их. Я уверен, что они давно должны были это заметить". Глаза Пэй Линьчжи были холодны, быть милосердным к врагу означало быть жестоким к собственному народу.

Сяо Цао горячо одобрил это предложение: "Используем это при необходимости!".

Му Кунь вернулся в город Тунгуань и остался за закрытыми воротами. Пэй Линьчжи приказал

своим людям вызывать их в течение двух дней, но ответа не было, поэтому в ту же ночь он приказал взорвать ворота Тунгуаня.

Воины Западного Жуна в городе были в хаосе, поэтому они подсознательно пошли брать лошадей, но после того, как они сели на лошадей, они поняли, что это бесполезно, потому что в городе было слишком много людей, и они не могли даже ходить, так как же они могли сражаться на лошадях?

Му Кунь уже слышал о странном способе атаки армии Ань, о том, что всегда раздавался необъяснимый громкий шум, а затем городские ворота были выломаны.

На самом деле, он не собирался оставаться в городе, но он еще не придумал, как сломать строй противника, и не успел он опомниться, как другая сторона уже нанесла удар первой.

Городские ворота были сломаны, а лошади заблокированы на улицах, что делало невозможным использование преимущества кавалерии.

Му Куню ничего не оставалось, как открыть западные ворота и приказать кавалерии покинуть город через западные ворота, чтобы они могли составить план действий снаружи.

Пэй Линьчжи предвидел эту ситуацию и уже отправил Сяо Цао во главе своих войск ждать у западных ворот.

В этот момент проявилось преимущество большего количества людей, так как армия Ань бросалась с одного конца, а на другом конце оставалось достаточно людей, чтобы дожидаться кроликов.

К тому времени, когда сам Му Кунь вышел из города, дождь стрел прекратился, но многие из конницы Хунну уже были потеряны. Их встретила пехота Ань, которая уже стояла в строю.

На этот раз строй армии Ань был в наиболее распространенной матрице: воины располагались группами по четыре человека, крайние две колонны держали щиты и мечи спиной друг к другу, отвечая в основном за оборону и ближнюю атаку, а средние две колонны держали копья, отвечая за основную атаку.

Между каждой группой оставался промежуток более десяти футов(3 метра), через который проскакивал враг, встречаемый по пути копьями и мечами.

В темноте кавалеристы сунну, естественно, запаниковали и пошли туда, где была брешь, и то, что их ожидало, было приглашением армии Ань войти в ловушку.

Эту битву Му Куня можно описать, как самую неловкую битву в его жизни. Он был слишком пассивен и поэтому упустил первую возможность и побежден. Они могли только пробивать

себе путь вслепую в темноте, и когда на рассвете они подсчитали свои силы, то обнаружили, что потеряли еще 20 000 человек, почти 50 000 своей элитной кавалерии, и они потеряли Тунгуань!

Му Кунь никогда в жизни не переживал такой большого позора, он оглянулся в сторону Тунгуаня и скрипел зубами. Это было действительно унижительно. Он не мог поверить, что проиграл так крупно, даже не сражаясь с врагом!

Однако, глядя на удрученных солдат, стоявших позади него, он все-таки ничего не сделал, так как боялся, что если он что-то предпримет, то потеряет и их.

Пэй Линьчжи одержал великую победу, захватив не только уездный город Тунгуань, но и десятки тысяч лошадей и тысячи раненых и искалеченных солдат Западного Жуна.

Глаза Сяо Цао готовы были вспыхнуть огнем, когда он смотрел на остатки армии Западного Жуна: "Генерал Пэй, я думаю, мы должны убить их, они все равно все люди Ху, они не стоят лекарств и еды, содержать их в плену, это скрытая опасность".

Пэй Линьчжи нахмурился, на самом деле, по его замыслу, он тоже должен убить этих людей, в конце концов, если они не из его расы, их сердца будут другими, и если они останутся, то, скорее всего, станут бичом, но он вспомнил, что неоднократно советовал Сяо Юй, и сказал: "Его Величество сказал, не убивать пленных, а убеждать людей добродетелью."

Сяо Цао с ненавистью ударил по столу: "О чем думает мой брат? Если мы не убьем пленников, какой смысл держать эту группу злодеев в плену? Они - палачи, которые будут убивать наших соотечественников ханьцев во время осады, животные, которые будут убивать наших ханьцев ради мяса, когда нечего будет есть! По моему мнению, все они должны быть убиты и выброшены в пустыню на съедение диким собакам!".

Цзи Хай сказал шепотом: "Я помню, что Его Величество однажды сказал, что цель войны - это мир. Народ Ху следует покорить силой, а затем подвергнуть индоктринации, чтобы они приняли нашу культуру и были полностью синизированы, и тогда они больше не будут нашими врагами".

Сяо Цао бросил на Цзи Хая несколько удивленный взгляд, мальчик храбро выступил в этой войне, повел армию на прорыв через городские ворота и добился больших успехов. Он сказал: "Мой брат слишком наивен. Можно ли перевоспитать дикарей? Что за шутка! Даже если они пройдут индоктринацию, они будут плохо воспитанными белоглазыми волками, которые не смогут быть нам верны".

Когда Цзи Хай услышал это, он сначала поджал губы и посмотрел на Сяо Цао, а затем сказал без снисхождения: "Ваше Высочество, мы с третьим братом Цзю Янем оба из народа Сай, и я не думаю, что есть более преданные Его Величеству люди, чем мы".

Пэй Линьчжи нахмурился: "Его Высочество слишком радикален в своих словах, нет никакой разницы между благородными и низкими людьми, как можно не учить народ Ху? Кроме того, в нашей армии много солдат варварского происхождения, если ты скажешь, что они не верны Его Величеству, разве ты не ранишь их сердца?"

Сяо Цао на мгновение потерял дар речи и сказал с сарказмом: "Даже если мы захотим их синизировать, это будут обычные люди Ху, а не эти военнопленные. На руках кого из этих людей не было крови ханьцев? Разве они не заслуживают смерти?"

Сяо Цао испытывал глубокую ненависть к хунну, так как его жена и ребенок были убиты от их рук, и ничто не могло поколебать его ненависть.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300371>